

ч. X, М. 1782 г., стр. 14). Защищая Тилемахиду, Радищев говорит о Тредьяковском «что по нещастию его он писал (т. е. начал писать) Русским языком прежде, нежели Ломоносов впечатлел Россиянам примером своим вкус и разборчивость в выражении и в сочетании слов и речей, сам понесся путем непроложенным, где ему вождало остроумие; словом: прежде, нежели он показал истинное свойство языка Российского, нашед оное забыто в книгах церковных; потому Тредьяковскому и невозможно было переучивагься»... «Знав лучше язык Виргилиев, нежели свой, он думал, что и преношения в Российском языке можно делать такие, как в Латинском», говорит Радищев о новом стихосложении, введенном Тредьяковским по образцу Греков и Римлян. Приводя отдельные строки Тилемахиды, показавшиеся ему удачными, Радищев находит в них «благогласие», «изразительную гармонию», происходящую от употребления тех или иных звуков, которые даже воспроизводят, например, журчание ручья, веяние ветра, соответственно изображаемой картине. «Сладость» звуков он отмечает и «при дурном выборе слов». Отмечает однако и «какафонию» (sic) других стихов, и «галлицизмы» синтаксиса («Пристань и-вся земля у бегать создадї-нас казалась», начало II кн. Тилемахиды: *Le port et la terre sembloient fuir derrière nous*). Известно, что Радищев снабдил свое «Путешествие из Петербурга в Москву» эпиграфом из XVIII книги Тилемахиды, взяв строку, относящуюся к церберу: «Чудище, обло, озорно, огромно, стозевно, и лайи». Кажется до сих пор никто не заметил, что Радищев здесь остроумно поправил Тредьяковского, у которого этот стих читался так: «Чудище, обло, озорно, огромно, с тризевной и-Лаей» (576, *de ses trois gueules bêantes*). Здесь «и» — обычная у Тредьяковского подмена нехватающего для метра слога, вроде «анснайки» в старинном пении; «лая» же — существительное, означающее пасть. Радищев придал «и» значение союза, опустил «с» и благозвучное «стозевно» согласовал с «огромно», а из творит. падежа «лаей» сделал причастие. — И Пушкин обронил о Тредьяковском золотое слово, сказав между прочим: «Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывает необыкновенное чувство изящного. В Тилемахиде находится много хороших стихов и счастливых оборотов». Замечательно суждение Евгения (еп. вологодского), высказанное им в письме к Д. И. Хвостову 1808 г.: «На вопрос вашего сиятельства